

СОЦИОЛОГИЯ И ПОЛИТОЛОГИЯ

Научная статья
УДК 316.37
doi: 10.17223/15617793/474/15

Когнитивно-прагматическая программа «Закон совести» в кинотексте «Пацаны»: целевой вектор

Дмитрий Игоревич Иванов¹

¹ *Институт русского языка Сианьского университета иностранных языков, Сиань, КНР, Ivan610@yandex.ru*

Аннотация. Проводится исследование целевых установок ключевой когнитивно-прагматической программы (КПП) – «Закон совести», фильма Д. Асановой «Пацаны». Установлено, что в аспекте целеполагания программа работает одновременно в двух режимах: «целеполагание для себя» и «целеполагание для объекта социализации (подростка)». КПП «Закон совести» ориентирована прежде всего не на «результат любой ценой», а на активизацию и поддержание внутренней активности процессов гармоничной когнитивно-ментальной реабилитации сознания подростка.

Ключевые слова: когнитивно-прагматическая программа, субъект-источник, персонифицированный субъект, круг отчуждения, целеполагание, агрессивно-имитационное состояние

Для цитирования: Иванов Д.И. Когнитивно-прагматическая программа «Закон совести» в кинотексте «Пацаны»: целевой вектор // Вестник Томского государственного университета. 2022. № 474. С. 135–143. doi: 10.17223/15617793/474/15

Original article
doi: 10.17223/15617793/474/15

Cognitive-pragmatic program “Law of Conscience” in the film construct “Boys”: The target vector

Dmitry I. Ivanov¹

¹ *Xi'an International Studies University, Xi'an, People's Republic of China, Ivan610@yandex.ru*

Abstract. This article considers the author's version of a film construct's sociocognitive modeling based on the original theory of cognitive-pragmatic programs (CPPs). The relevance of this kind of modeling is due to both the social significance of the studied conceptual film text, and the complexity of its analysis as a synthetic text of culture. The source of the research is the film construct of the famous Soviet film *Boys*. To substantiate the author's methodology, the traditions of psychology and modern sociocognitive ideas are used. The goals of the leading CPPs' initial formula of the film construct (“The Law of Conscience”) envisage the implementation of three main processes: (a) transformation and adjustment of the basic cognitive-mental subsystems of consciousness of a “problem” teenager who has fallen into the zone of influence of destructive CPPs; (b) the formation in his mind of a constructive personal, social and civic identity; (c) “withdrawal” of a teenager from the zone of activity of destructive-manipulative programs with their subsequent blocking. These processes determine the general target vector for the implementation of the “Law of Conscience” CPP. In the aspect of goal-setting, the program works simultaneously in two modes: goal-setting for oneself and goal-setting for the object of socialization (adolescent). At first the goal-setting is active and meaningful only for the program itself; the adolescent is aware of the formal presence of a goal, but does not identify it as his own; therefore, the degree of activity of the consciousness of the subject-personifier remains extremely low. To solve this problem the CPP bearer must find out how the consciousness of the object of socialization has changed as a result of destructive influence through observation (over the adolescent or his parents, the source of his desocialization) and analysis of behavior. The “Law of Conscience” CPP, activating the second mode of goal-setting (for a teenager), seeks to personify the goal formed in its structure and create conditions under which the teenager begins to perceive it as his own. The “Law of Conscience” CPP is focused primarily not on the “result at any cost”, but on the activation and maintenance of the internal activity of the processes of harmonious cognitive-mental rehabilitation of the adolescent's consciousness, which is realized in the scene of the trial of V. Kireev as a result of a speech by the head of the camp, P.V. Antonov. The “Law of Conscience” program cannot make a choice for the teenager. He must start the movement, feeling support by himself. A simple rule works here: “the ‘other’ believes in me – I must justify his belief in himself – I must accept his trust as my own – I must learn to believe in myself”.

Keywords: cognitive-pragmatic program, subject-source, subject-personifier, “circle of alienation”, goal-setting, aggressive-simulatory state

For citation: Ivanov, D.I. (2022) Cognitive-pragmatic program “Law of Conscience” in the film construct “Boys”: The target vector. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal*. 474. pp. 135–143. (In Russian). doi: 10.17223/15617793/474/15

Введение

Известная советская кинокартина «Пацаны» (1983) – чрезвычайно интересный объект, демонстрирующий, как художественное произведение может воплощать актуальную общественно-идеологическую и нравственно-философскую проблематику во всей ее концептуальной, структурной и содержательной (социально-психологической) сложности. Фильм, с одной стороны, злободневен и имеет документальную основу: «... в качестве актеров <...> привлечены <...> настоящие “трудные” подростки. Зритель может наблюдать их лица, поведенческие манеры, характерные интонации, хотя и вписанные в рамки художественного сюжета, но максимально приближенные к реальной ситуации и достоверно ее передающие» [1. С. 82]; с другой – это высокохудожественное кино с великолепной актерской игрой, и, наконец, с третьей – это фильм (кинотекст с семиотической точки зрения), где проблемные ситуации и пути их решения сформулированы с концептуальной программностью и четкостью, что только усиливает художественную убедительность «социальной драмы».

Сюжет фильма содержит оригинальный переход от документально зафиксированной социальной проблемы (будущие герои картины, неблагополучные подростки, отвечают на вопросы этического характера) через сцену суда над несовершеннолетним воришкой (явной жертвой «семейной десоциализации») к собственно жизни летнего спортивно-трудового лагеря для «трудных», которым руководит Павел Антонов (актер Валерий Приемыхов). Концептуальное ядро фильма – природа сложного процесса социализации в условиях «палаточного» быта и нелегкого «общественно-полезного труда»: ведь десоциализированный, отчужденный подросток, сконцентрированный на своей иллюзорной «внутренней свободе» (иллюзорной, поскольку это деструктивная «свобода» отказа от общественных норм и правил вплоть до криминализации), не понимает, что общество выступает в качестве конструктивного регулятора его когнитивного роста. Отсюда возникают напряжение и разнообразные конфликтные ситуации.

Предлагаемый нами социокогнитивный анализ кинотекста базируется на авторской теории когнитивно-прагматических программ (КПП). КПП – это «своеобразная концептуальная матрица, опорная система когнитивно-прагматических установок (КПУ) (целевых, самоидентификационных (ролевых), инструментальных, оценочно-результативных), формирующихся в пространстве когнитивного сознания отдельной личности / определенной социальной группы / нации / народа» [2. С. 252]. Теория КПП позволяет системно представить развертывание внутренних установок личности / социальных групп в целенаправленную социальную деятельность, в том числе на примере кинотекста [3].

В терминах теории КПП «концептуальная формула» фильма строится на столкновении двух основных вариантов КПП социализации личности подростка: дидактически-принудительного, требующего механического усвоения норм и подчинения им (говоря словами актера Валерия Приемыхова, это «закон закона» и связанные с ним «закон отчуждения» и криминальный «закон антизакона»), и гуманистического, суть которого в равноправии, равнодушии, любви, сопричастности (внутренний «закон совести»). В первом случае «директивное» воздействие общества воспринимается подростком как деструктивный акт подчинения, а сам «воспитатель» в его глазах ничем не лучше любых других «агрессоров», что ведет к еще большему отчуждению, озлоблению, десоциализации подростка, и без того лишенного нормального детства.

КПП «Закон совести» является ключевым компонентом авторской концепции. Смысл его в том, что подростка нужно избавить от страха и недоверия, пробудить его собственное чувство сопричастности, долга, ответственности, помочь прежде всего осознать: нормы, установки и модели поведения не должны приниматься автоматически, они проверяются совестью, которая позволяет человеку оценивать, «судить свои поступки как бы от своего имени» [4. С. 30]. Ответом на вопрос о возможности операции постепенного принятия подростком совести как основного нравственного качества своей личности и является весь сюжет фильма – мы же остановимся здесь на специфике целевых установок исходной формулы «Закон совести».

Данную формулу в самом кратком виде дает П.В. Антонов, который в беседе с журналистом поясняет, почему отказывается воздействовать на подростков силой: «**Антонов:** Я хочу их привести к самим себе, понимаешь... Вернуть людям <...> Надо уметь расшевелить их гражданское чувство... Разбудить сердце, понимаешь? <...> **Журналист:** Хорошо... А что ты будешь делать с такими, как Зайцев? **Антонов:** Зайцев подонок... Но, ты знаешь, его тоже надо будить...» [5].

Прежде чем вернуть подростка в социум, его нужно «вернуть» самому себе. Поэтому формула «*нужно разбудить сердце*» имеет двусоставную структуру («вернуть подростка самому себе»; «привести подростка к людям») и два субъектно-ролевых вектора реализации («разбудить сердца родителей»; «разбудить сердце подростка, попавшего в круг отчуждения»). Подросток в такой ситуации лишен возможности адекватно оценивать себя и окружающих. Научить его уважать себя и других, уважать свой и чужой труд, отвечать за свои поступки перед собой и людьми – сложнейшая задача, в ее свете формируется четкая структура необходимых действий (система целевых установок КПП), включающих отказ от «репрессивного давления», равнодушие и сопричастность, стремление «достучаться до сердца», разорвать

или трансформировать искаженные взаимоотношения с источниками десоциализации, пробудить гражданскую идентичность.

Логика моделирования подсистемы целевых установок

Феномен целеполагания, выступая в качестве базового основания моделирования КПП, рассматривается нами как сложный ментально-когнитивный процесс. На наш взгляд, совершенно прав В.Л. Гавеля, когда говорит о том, что цель является одним из «посредствующих звеньев между познанием и практикой» потому, что, кроме идеального образа объекта, она включает в себе стремление создать его, имеет ярко выраженную практическую направленность, содержит в идеальном виде весь порядок действия...» [6. С. 4].

Ярко выраженная практическая направленность цели позволяет рассматривать ее как специфическую *задачу*, неразрывно связанную с действием (его целью) и операцией (ее условиями): «Задача – это цель, данная в определенных условиях. Задача, даже самая простая, включает в себя следующие моменты: *цель*, то есть требование, которое надо выполнить; *условия*, в которых действует субъект; *искомое* – неизвестное, которое надо найти, чтобы достигнуть цели» [7. С. 42].

Целеполагание предстает как один из ключевых механизмов перехода субъекта/программы (в лице ее носителя) от анализа к реальной практической деятельности. Это открывает новые ракурсы концептуально-смысловой формулы КПП «Закон совести» («разбудить сердце подростка» = «привести его к самому себе» + «вернуть его людям»). Цель – внутренний катализатор действия; соответственно, в структуре формулы КПП можно выделить три таких целевых катализатора действия: а) «разбудить»; б) «привести»; в) «вернуть». Каждый из них направлен на реализацию трех основных процессов: а) трансформация и корректировка базовых когнитивно-ментальных подсистем сознания подростка, попавшего в зону воздействия деструктивных КПП («Закон круга отчуждения», «Закон антизакона»); б) формирование в его сознании конструктивной личной, социальной и гражданской идентичности; в) «вывод» подростка из зоны активности деструктивно-манипулятивных программ с их последующей блокировкой. Данные процессы определяют общий целевой вектор реализации КПП «Закон совести».

В аспекте целеполагания программа работает одновременно в двух режимах. Первый режим – целеполагание «для себя» (КПП). Второй режим – целеполагание для объекта социализации (подростка). Ведь после того как та или иная целевая установка формируется (режим целеполагания КПП), она является активной и значимой только для самой программы. Целевая установка здесь выступает в качестве специфического инструмента, стабилизирующего функциональную направленность деятельности субъекта-персонификатора. Рассматривая эту особенность когнитивно-ментальных установок разных уровней и типов (в нашем изложении – целевых, самоидентифи-

кационных, операциональных, оценочно-результативных), А.А. Леонтьев отмечает: «Установки различных уровней стабилизируют движение деятельности, позволяя, несмотря на своеобразные сбивающие воздействия, сохранять ее направленность; и они же выступают как консервативные моменты деятельности, “барьеры внутри нас”, затрудняя приспособление к новым ситуациям...» [8. С. 130].

При этом цель остается дистанцированной, «чужой» для подростка. Он осознает ее формальное наличие, но не идентифицирует ее с собой. Возникает парадоксальная ситуация, когда подросток может ассоциировать себя с деятельностью, но не с ее целью: цель принадлежит самой программе, которая им управляет. В этих условиях личность (носитель КПП) перестает быть «условием действия» и превращается исключительно в функциональный, «необязательный придаток» действия, которое производится по воле доминирующей программы. Вот как об этом пишет Э.Г. Юдин: «Личность есть не только продукт, но и условие деятельности, а это значит, что, по крайней мере в известном смысле, мы должны и саму деятельность объяснять через личность. Если же от этого отказаться, то мы вместо деятельности получаем Деятельность, при которой личность выступает на правах чисто функционального, а следовательно, в каждом конкретном случае необязательного придатка» [9. С. 301].

Все это приводит к тому, что степень активности сознания субъекта-персонификатора остается предельно низкой, так как полностью контролируется деструктивными импульсами «круга отчуждения». КПП «Закон совести», активизируя второй режим целеполагания (для подростка), стремится персонифицировать сформированную в ее структуре цель и создать условия, при которых подросток начинает воспринимать ее как свою собственную. Рассмотрим специфику реализации каждого режима целеполагания более подробно.

Режим 1 «Целеполагание для программы»

Этот режим предусматривает последовательную реализацию двух взаимообусловленных этапов. На первом этапе КПП / ее носитель, который одновременно является и субъектом-источником (генерирует, транслирует и воспроизводит целевые установки в пространстве кинотекста), и субъектом-интерпретатором (проводит анализ психоэмоционального состояния подростка и фиксирует наличие деструктивных изменений в его сознании), пытается понять, что конкретно нужно трансформировать, корректировать. Так формируется общий вектор целеполагания КПП.

Для решения поставленной задачи носитель КПП (например, П.В. Антонов) должен путем наблюдения (за подростком/источником его десоциализации – родителями) и анализа поведения выяснить, как изменилось сознание объекта социализации в результате деструктивного воздействия «круга отчуждения» и КПП «Закон антизакона». Ярким примером проведения такой операции является беседа родителей

А. Зайцева, которые приехали к нему в лагерь на день посещения. Их сын вместе со своим другом Рублевым находится за пределами лагеря, на другой стороне реки. Из лагеря их выгнали за употребление спиртных напитков, но они не уехали в город. П.В. Антонов перевозит родителей в лодке к сыну.

«Мать Зайцева: А где они вообще? **Антонов:** Работают. **Мать Зайцева:** Ну как работают?.. В выходной день?.. **Отец Зайцева:** Помолчи! **Мать Зайцева:** Заткнись! **Отец Зайцева:** Помолчи! **Мать Зайцева:** Не ори на меня! **Отец Зайцева:** А я сказал, замолчи! *(Антонов молча, наклонив голову, идет за родителями Зайцева)* **Мать Зайцева:** А комары здесь... Дождь если... Я спрашиваю, а что если дождь?.. А вы вообще долго собираетесь их здесь держать? **Антонов:** А мы никого здесь не держим... Вы своего можете забрать хоть сегодня... **Отец Зайцева:** Ни в коем случае! **Мать Зайцева:** У нас отпуск, между прочим... *(Антонов презрительно усмехается)* **Антонов:** А, у вас отпуск... Вот возьмите его и воспитывайте... **Отец Зайцева:** Да не будет этого! *(Антонов отворачивается и медленно идет обратно к лодке)* **Антонов:** Когда лодку прислать? **Мать Зайцева:** Часа через два, пожалуйста... **Отец Зайцева:** Будьте добры – через час! **Мать Зайцева:** Да... *(Антонов презрительно смотрит на них, сплевывает, отворачивается и идет к лодке)*» [5].

Обратим внимание на два основных момента: а) как общаются между собой родители А. Зайцева; б) как они репрезентируют свое отношение к сыну во время диалога с П.В. Антоновым. Оба актуализированных носителя КПП аналитических ракурса имеют ярко выраженный деструктивный характер. Так, доминирующим компонентом модели общения родителей А. Зайцева является скрытое неприятие, раздражение, предельная напряженность и внутренняя агрессивность. Они практически не смотрят друг на друга, мимика их лиц статична, жесты отрывисты, взгляд напряжен и безэмоционален. Их речь превращается в систему автоматизированных, спонтанных, ответных реакций на импульс-раздражитель, исходящий от собеседника. Очевидно, что каждый из них пытается подавить в себе негативные эмоции, источником которых являются накопившиеся друг к другу претензии. Однако чем сильнее степень их внутреннего подавления, тем выше уровень внутренней агрессивности. На наш взгляд, ключевым концептуально-смысловым компонентом всей этой сцены является не сам диалог родителей А. Зайцева, а фиксация (визуализация) тотального обоюдного отрицания/ (само)отрицания, которое отождествляется с мнимым (внешним) благополучием их семьи (приехали на машине). Эмоции, которые они испытывают к своему сыну, являются всего лишь очередным подавлением внутреннего отрицания в себе. Это псевдоконструктивное чувство можно условно назвать «отчуждающей любовью», отождествленной с подавленной в себе агрессией.

Способом подавления этого агрессивно-симулятивного состояния становится формальное выполнение своих родительских обязательств. Анто-

нов спрашивает родителей Зайцева, сколько им нужно времени – «любящим родителям», которые более двух недель не видели своего сына, достаточно одного часа... Ключевое значение здесь имеет не общение с сыном, а сам факт формального псевдоконструктивного действия, призванного подтвердить истинность симулятивного когнитивно-ментального статуса «хорошие родители».

Они не совсем понимают, для чего их сын находится в этом лагере («А вы вообще долго собираетесь их здесь держать?»). Мать воспринимает нахождение своего сына в этом лагере как некое запретительное, формальное действие системы профилактики, ограничивающее свободу своего сына. Она не осознает, что сын, благодаря ее «воспитанию», сам находится в опасности (может совершить преступление и попасть в места лишения свободы) и своим асоциальным поведением подвергает опасности тех, кто его окружает. Это еще одно проявление «отчужденной любви».

Наблюдая за поведением родителей Зайцева, П.В. Антонов (носитель КПП «Закон совести») понимает: А. Зайцев, находясь под постоянным воздействием разрушительного по своей природе чувства «отчужденной любви», осознанно/подсознательно копирует и полностью воспроизводит поведение своих родителей. Однако если взрослые люди (родители) могут хотя бы частично контролировать внутреннюю (само)агрессию, то подросток с ней справиться не в состоянии. Ярким примером является сцена, в которой А. Зайцев и его друг Рублев совершают нападение на молодую парочку, отдыхающую недалеко от лагеря.

«(Девушка заходит в воду и плавает. Ее парень делает несколько снимков. Девушка улыбается, показывает ему язык и обнимает его) **Девушка:** Костенька... *(В этот момент они слышат звон бутылок. Рублев и Зайцев сидят около палатки молодых людей. Зайцев пьет из банки сгущенное молоко, Рублев курит)* **Костя:** В чем дело, ребята? *(Зайцев молча поджигает ветку лапника и бросает ее в Костю)* **Костя:** Что, другого места не нашлось?.. *(Девушка стоит за спиной Кости. Зайцев и Рублев презрительно смотрят на ребят)* **Девушка (обращается к Косте):** Дай мне джинсы. *(Костя подходит к палатке и хочет взять джинсы. Рублев встает и отталкивает его ногой)* **Рублев:** Руки!.. **Девушка:** Костя, не надо! **Рублев:** Пошел вон!.. *(Зайцев, не сводя глаз с девушки, молча курит)* **Девушка:** Ребята... Ну, не надо!.. **Рублев:** Сейчас ты у меня наработаешься, фотограф... Чистюля! *(Рублев бьет Костю и заставляет его таскать бревно. Зайцев медленно встает, демонстрируя свое превосходство, и подходит к девушке)* **Зайцев:** Какая хорошенькая... Ну, погладь меня... Надо сказать, Андрюшенька... Ну... *(В это время Рублев продолжает бить Костю)* **Рублев:** Ну, давай быстрее... Тащи... *(Зайцев хватает девушку. Она начинает кричать)* **Девушка:** Костя! Костя! *(Костя бросает бревно и бросается ей на помощь)* **Костя:** Ребята, ну я вас прошу... Не надо... Ну, пожалуйста... **Зайцев:** Да иди ты!.. *(К Косте подбегает Рублев и бьет его в живот. Костя падает. Зайцев хватает девушку)* **Девушка:**

Пусти! Подонок!.. Пусти... Помогите!» [5]. Только приезд родителей Зайцева случайно спасает ситуацию.

В этой сцене внутренняя агрессия Зайцева имеет две формы выражения. Первая форма – это «глумление» («ментальное унижение» «другого» и демонстрация своего мнимого превосходства). В первой части сцены Зайцев формально «не агрессивен»: он молча наблюдает, как из-за действий Рублева в сознании молодых людей нарастает страх. Зайцев полностью воспроизводит «родительскую» модель поведения – только теперь в роли подавляемого («отчужденного») субъекта выступает не он сам, а незнакомая, испуганная девушка. Зайцев предельно остро ощущает, как знакомое чувство страха постепенно поглощает ее. Страх, укоренившийся в его сознании и отождествленный с процессом внутреннего самоотрицания, становится частью его «сущностного я».

Единственный доступный для А. Зайцева способ подавления страха-отрицания – фиксация и визуализация этого деструктивного психоэмоционального состояния в «другом». Ему кажется, что, став источником страха-отрицания для «другого», он сможет избавиться от него и принять себя. Причиной активизации этого процесса является желание компенсировать отсутствие родительской заботы, внимания и любви.

Однако «перенос» страха на «другого» и формально-симулятивная смена своего социокогнитивного статуса (базовый статус – «я»-объект подавления, отчуждения; обновленный статус – «я»-источник подавления, отчуждения) приводят к обратному результату. Формальное отстранение от страха (его визуализация в «других», чье кинетическое поведение в этот момент очень выразительно) заставляет Зайцева встретиться со своим страхом лицом к лицу. Убежать от себя невозможно. Любая внешняя форма воспроизведения своего страха только усиливает деструктивный эффект его переживания в себе; Зайцев внутренне продолжает оставаться агрессором для самого себя, причем контролировать это он не в состоянии. Он чувствует, как чувство страха начинает переполнять девушку, и это доставляет ему наслаждение (на лице Зайцева появляется самодовольная, ехидная улыбка). Однако чем выше степень этого наслаждения, тем острее он переживает его симулятивность в себе. Для преодоления чувства внутренней опустошенности ему нужно максимизировать степень наслаждения, поэтому он переходит к открытой агрессии и уже не может остановиться, растворяясь в симулятивно-деструктивном наслаждении, отождествленном с процессом самоотрицания.

Итак, на первом этапе носитель КПП «закон совести» должен, во-первых, определить качественные особенности деструктивных искажений сознания подростка; во-вторых, соотнести их с концептуально-смысловыми зонами (частями) общей формулы КПП «Закон совести» («привести подростка к самому себе»; «вернуть подростка людям»). Реализация процесса «распределения» деструктивных искажений по концептуально-смысловым блокам формулы позволя-

ет: а) структурировать эти искажения; б) определить когнитивно-ментальную зону их актуализации (личная, социальная, гражданская идентичность подростка); в) выяснить степень деструктивной активности каждого искажения; г) установить, какие искажения могут выступить в качестве базовых оснований формирования целевых установок.

На втором этапе реализации процесса целеполагания КПП «Закон совести» / носитель КПП производит специфическую перекодировку когнитивно-ментальных искажений. В зону внимания КПП попадают прежде всего те искажения, которые обладают наиболее высокой степенью деструктивной активности. Целью этой перекодировки, которую условно можно назвать целевой трансформацией деструктивного искажения, является «перевод» последнего в целевой режим функционирования. Другими словами, то, что раньше было искажением, теперь становится целью для программы. Приведем пример.

В результате проведенного опроса воспитанников спортивно-трудового лагеря (этап наблюдения и анализа) журналист (носитель КПП «Закон совести») выясняет, что подростки утратили способность мечтать («Журн.: У тебя есть мечта? **Восп. 1:** Мечта? **Журн.:** Ну, ты о чем-то мечтаешь? **Восп. 1:** Нет. Я не мечтаю...»). Исходя из этого, он фиксирует факт наличия деструктивного искажения, реализующегося, прежде всего, в зоне когнитивно-ментальной активности «Я»-идентичности подростка. Назовем эти искажения. *Отсутствие способности мечтать*: а) существенно ограничивает возможности проективного свободного, творческого мышления; б) не позволяет конструктивно моделировать свое будущее (реализовать свой внутренний креативный потенциал); в) блокирует внутреннюю когнитивно-ментальную потребность к самопрезентации, самосовершенствованию и самореализации личности; г) значительно сужает зону функциональной социокогнитивной активности личности. Далее носитель КПП «Закон совести» производит перекодировку этих деструктивных искажений и превращает их в целевую установку программы: для формирования конструктивной личной идентичности подростка ему необходимо вернуть веру в мечту и актуализировать в его сознании «волю-к-мечте». Последовательность данных операций повторяется при формировании каждой новой целевой установки программы.

Режим 2 (Целеполагание для объекта социализации)

В рамках реализации этого режима программа через носителя КПП производит процесс последовательной экстраполяции «своих» целевых установок в зону когнитивно-ментальной активности сознания подростка, для чего необходимо выполнить две взаимообусловленных операции. Во-первых, «перевести» выявленные в результате программного анализа деструктивные искажения в сознание подростка и создать условия для их полной субъектной персонификации. Во-вторых, произвести субъектную персо-

нификацию «своей» системы целевых КПУ программы и внедрить ее в сознание объекта социализации.

Результатом обеих операций является ситуационно-аналитическая персонификация сначала деструктивного искажения, а потом и цели программы. Сам процесс персонификации в данном контексте рассматривается нами как специфический полисемиотический когнитивно-ментальный механизм моделирования ситуации, в рамках которого «самость» подростка становится объектом стимуляции. Попадая в эту ситуацию, субъект начинает воспринимать условно дистанцированную от него цель / систему деструктивных искажений своего сознания иначе: начинает переживать ее наличие «в себе». Если раньше целевые КПУ / деструктивные искажения рассматривались им как некий негативный «продукт» «чужой» воли, которая стремится ограничить его внутреннюю свободу, то теперь «чужое» переживается как «свое», т.е. персонифицируется. Так, программа проникает в сознание подростка и постепенно становится частью его «сущностного я».

Механизм стимуляции «самости» подростка в исследуемом кинотексте нередко реализуется через субъекта-посредника, который, как правило, тоже является носителем КПП. В максимально обобщенном виде субъектно-ролевую модель этого способа можно представить так: носитель КПП (источник импульса) – носитель КПП (резонатор импульса) – субъект, персонифицирующий деструктивное искажение/цель.

Особенность этого способа заключается в том, что субъект-персонификатор ощущает на себе двойственное давление стимулирующего импульса, исходящего как от первого, так и от второго носителя КПП «Закон совести». Импульс, исходящий от источника КПП, формально направлен не на субъекта-персонификатора, а на второго носителя программы. Однако это не играет решающего значения, так как объект социализации, несмотря на условную (формальную) дистанцированность от импульса, находится в зоне его конструктивно-функциональной активности. Более того, он получает возможность увидеть себя (деструктивные искажения своего сознания / своей цели) со стороны, причем «увидеть» их не как нечто тотально деструктивное, а как цепочку трагических жизненных ситуаций, заложником которой стал подросток. В этом случае исходящий от первого носителя КПП импульс становится инструментом когнитивно-ментальной реабилитации «самости» объекта социализации. В то же время этот же импульс корректирующе воздействует и на второго носителя КПП. В итоге второй носитель КПП ретранслирует (перенаправляет) его содержание, обогащенное собственным импульсом, и репрезентирует его субъекту-персонификатору, который попадает в круг конструктивной репрезентации деструктивных искажений / целевых установок программы. Это позволяет ему не только «принять» (персонифицировать) эти искажения, но и осознать, что они являются чем-то противоестественным (губительным, разрушительным), для него и их нужно нейтрализовать. Именно здесь реализуется процесс персонификации целевых КПУ программы.

Ярким примером является сцена суда над Вовой Киреевым. Ее можно разделить на две части. Представим первую. **«Прокурор:** У меня есть вопросы к подсудимому. Киреев, скажите, вы же намеренно лезли по чужим карманам? *(Вова Киреев неуверенно встает и робко смотрит в сторону прокурора)* **Киреев В.:** А сколько вы мне карманов “шьете”? *(Сестра Маргарита умоляюще смотрит на Вову и шепотом обращается к нему)* **Маргарита:** Вова... замолчи, замолчи... **Прокурор:** Вы же понимаете, что залезли в чужой карман? **Киреев В.:** Я случайно... *(В зал суда входит начальник лагеря П.В. Антонов)* **Прокурор:** Так, Киреев, не бывает! Вас поймали за руку – с поличным! **Киреев В.:** Подумаешь, треха... трешка проклятая... **Первый член судебной коллегии:** Не трешка, а четыре рубля! Ведь пострадавший живет на эти деньги два дня! Ведь это все равно, что у голодного отнять кусок хлеба... **Киреев В.:** Я не знал... Простите меня... **Адвокат:** У меня вопрос. Скажите, Киреев, были ли у вас рание приводы в милицию за воровство? **Киреев В.:** Нет. **Первый член судебной коллегии:** Зачем же вы врете, Киреев? **Киреев В.:** Я не лгу... Первый член судебной коллегии: А кто под видом сбора макулатуры унес из квартиры банку варенья и книжку? **Киреев В.:** Я почитать... **Первый член судебной коллегии:** А кто из кабинета биологии украл микроскоп? **Киреев В.:** Микроскоп я вернул... **Первый член судебной коллегии:** Он был найден у тебя, ты не успел его сбыть... Иначе твоему отцу пришлось бы расплачиваться за украденный микроскоп! **Киреев В.:** А, разбежался... Заплатит он вам... Ждите... **Председатель суда:** Ты не хмыкай, Киреев!.. У тебя чувство, будто здесь родительское собрание – пожурят, отпустят... Дерзишь, врешь и ни в чем ты не раскаиваешься... А мы хотим понять, что тебя толкало на эти гнусные поступки...» [5].

Последняя фраза показывает, что судебская коллегия может рассматриваться как специфическая субъектно-ролевая инкарнация КПП «Закон совести». Репрезентация этой установки имеет принципиальное значение. Ее актуализация условно активизирует механизм персонификации деструктивных искажений сознания подростка. Он реализуется через операцию когнитивно-ментального перевода внутреннего импульса: 1) «Мы стремимся не осудить, а понять природу твоего деструктивного (асоциального) поведения»; 2) «Ты сам должен задуматься, что на самом деле толкнуло тебя на преступление».

Представим вторую часть, где слово берет пришедший начальник лагеря: **«Антонов:** Я знаю Киреева с прошлой зимы. Это наша новая практика. Зимой мы работали с ними в городе, а летом вывели их на природу. Работаем в одном из пригородных совхозов. Уважаемые судьи, Киреев заслуживает сурового наказания... Однако мне бы хотелось, чтобы вы знали то, о чем молчит сам Киреев и его сестра Маргарита... А молчат они, потому что они стесняются некоторых подробностей своей жизни. Вот вы тут говорили про банку варенья, а мне все время вспоминался случай... В общем, это было на занятии секции. Я обратил внимание на то, что он не переодевается, как это делают

остальные ребята. Как положено на занятиях спортивной секции. Я подошел, сделал ему замечание... Он очень обиделся и месяц не ходил в клуб... Потом я узнал, что у него нет трусов!.. Понимаете, у этого мальчишки нет элементарных трусов... Эти дети... Они никогда не знали, что такое родительская ласка или забота... У них нет матери. Они живут с отцом. Это спившийся, озверевший человек!.. Он пропивает свою получку, и эти двое живут на стипендию, которую Маргарита приносит из ПТУ... Вы посмотрите на него!.. Ему пятнадцать лет... Вы дадите ему пятнадцать лет?.. Он совершенно не развит физически... Ну, это дело поправимое... Еще хуже дело обстоит с его духовным развитием... Он не читает книг... Учится... Учится – еле-еле... Его не пускают в приличные дома, чтобы он не испортил хороших мальчиков... И поэтому единственное место, где он чувствует себя человеком – это подворотня... Много раз они ночевали у меня в клубе, потому что отец приводит домой собутыльников и случайных женщин... Что я могу сказать хорошего о своем воспитаннике Кирееве?.. Ему стыдно... Ему стыдно за себя... за сестру... и даже за отца! Это значит, у него есть совесть. Я ручаюсь, что в жизни он не выпил ни капли спиртного. Я прошу дать на Киреева на поруки. Я обещаю, он загладит свою вину... **Первый член судебной коллегии:** Вопросы? **Прокурор:** Нет, все ясно. **Председатель суда:** Вы уверены?.. **Антонов:** Нет. **Председатель суда:** Павел Васильевич, вы сказали – я ручаюсь... Вы представляете себе что, как поручитель, вы несете известную ответственность?.. **Антонов:** Важнее всего в этом случае, если я ошибусь... Мне будет по-человечески очень горько... Но я думаю, мне кажется, этого не случится. **Первый член судебной коллегии:** Вам предоставляется последнее слово, Киреев. Встаньте, пожалуйста! Встаньте, Киреев! Вам суд предоставляет последнее слово! Ясно? *(Вова медленно встает, голова его опущена вниз)* **Киреев В.:** Дайте поменьше... **Председатель судебной коллегии:** Вы раскаиваетесь? **Киреев В.:** Да!» [5].

Здесь действуют три субъектные единицы: а) судебная коллегия; б) П.В. Антонов; в) Вова Киреев (субъект-персонификатор). В первой части в роли основного носителя КПП «Закон совести» выступает коллегия судей. При этом Антонов, который присутствует в зале и наблюдает за процессом, является вторым носителем программы.

Формально он не является источником импульса, однако сам факт его присутствия в зале для В. Киреева – знак его потенциальной внутренней реабилитации. Значимость присутствия Антонова в зале подтверждается вопросом Вовы, который он задает своей сестре до начала судебного заседания: «**(Киреев В.):** А что – больше никого? **Маргарита:** Антонов обещал!.. *(Вова опускает голову вниз. Он верит, что Антонов сдержит обещание и придет его поддержать)*» [5]. Сам факт наличия этой надежды – знак того, что герой внутренне настроен на процесс персонификации деструктивных искажений / целевых установок программы.

Первая часть сцены, в которой источником КПП является судебная коллегия, обладает крайне низкой степенью результативности. Персонификации деструктивных искажений не происходит. Все апелляции суда к «самости» подсудимого отрицаются, блокируются им. На вопросы Вова отвечает отрывисто, раздраженно, явно пытаясь защититься от тех, кто, как ему кажется, хочет «подавить» его.

Ситуация кардинально меняется во второй части сцены, когда место основного носителя КПП занимает П.В. Антонов. Он рассказывает суду (теперь второму носителю КПП) о причинах асоциального поведения подростка, реабилитируя его в глазах суда. Именно в этот момент в сознании Вовы происходит важная метаморфоза. Защитный механизм, блокирующий процесс персонификации искажений его сознания / целевых КПУ программы, полностью нейтрализуется. Источником защиты для него становится не деструктивно-симулятивный механизм, сформированный под воздействием «круга отчуждения», а живой человек, который, несмотря ни на что, верит в него. Слушая слова П.В. Антонова, Вова видит себя со стороны. При этом в нем одновременно возникают два противоположных образа: а) «я» – источник деструктивного; б) «я» – источник отрицания этой деструктивности в себе.

Чем больше говорит Антонов (о том, о чем бы сам Вова никогда никому не сказал), тем ярче в сознании подростка становится второй образ его «сущностного я». Кульминацией процесса стимуляции «самости» подростка является тот фрагмент речи Антонова, где он просит суд дать Киреева на поруки. В структуре этого фрагмента можно выделить целый комплекс компонентов, стимулирующих сознание подростка к персонификации («переживанию») деструктивных искажений.

Первая фраза («Что я могу сказать хорошего о своем воспитаннике Кирееве?..») концентрирует в себе общую конструктивно-позитивную направленность образа В. Киреева. Начальник лагеря сознательно подчеркивает наличие в подростке «хорошего», т.е. того, на что субъект-персонификатор должен опираться при преодолении деструктивных искажений своего сознания. Далее Антонов раскрывает сущность позитивного начала воспитанника. Он утверждает наличие в нем чувства стыда, который является «центральным феноменом морального опыта» [10. С. 106]. Более того, П.В. Антонов пытается зафиксировать это наличие на разных уровнях функционирования «сущностного я» подростка: «Ему стыдно... Ему стыдно за себя... за сестру... и даже за отца!» Первый уровень – это зона внутреннего столкновения личной идентичности подростка с «кругом отчуждения», разрушающим целостность его сознания («стыдно за себя»). Второй уровень – это зона столкновения с «кругом отчуждения» через «другого» (единственного человека, который по-настоящему любит его) и попытка противостоять ему (стремление защитить сестру) («стыдно за сестру»). Третий уровень – это зона открытого противостояния с отцом (источником «круга отчуждения» для подростка) и внутренняя надежда на

то, что он еще может исправиться («стыдно за отца»). Далее, опираясь на наличие стыда в сознании своего воспитанника, Антонов апеллирует к его совести («Ему стыдно <...> Это значит, у него есть совесть»). Финальная часть фрагмента является своеобразным катализатором для всех стимулирующих компонентов представленных выше: «Я ручаюсь, что в жизни он не выпил ни капли спиртного. Я прошу дать на Киреева на поруки. Я обещаю, он загладит свою вину». Мы видим, что она состоит из трех позитивных установок, апеллирующих как к прошлому, так и к будущему Киреева. Важно, что «настоящее» своего воспитанника П.В. Антонов не оценивает. Он предоставляет это право коллегии судей (второй носитель КПП), которые должны провести анализ его импульса и определить статус подсудимого Киреева в «настоящем». Услышав П.В. Антонова, судьи решают дать Кирееву шанс на исправление.

Каждая установка содержит в своей структуре особый социокогнитивный код-катализатор, стабилизирующий и усиливающий стимулирующий эффект импульса. Первая установка – код-катализатор «я ручаюсь». Вторая установка – код-катализатор «я прошу». Третья установка – «я обещаю». «Я» в данном контексте – это не только сам источник конструктивного импульса персонификации деструктивного искажения / цели («я»-носитель КПП – П.В. Антонов), но и сама КПП («я»-программа «Закон совести»). «Я»-программа / «я»-источник программы отождествлены. В результате любой конструктивный социокогнитивный контакт В. Киреева и П.В. Антонова может рассматриваться как ментальное взаимодействие «трех я»: «я»-программа – «я»-носитель КПП – я-субъект-персонификатор (потенциальный носитель КПП).

После передачи импульса персонификации деструктивного искажения второму носителю КПП (коллегии суда) активизируется операция повторной проверки степени результативности этого импульса и уровня его функциональной стабильности. Не случайно председатель суда задает П.В. Антонову «контрольные» вопросы, на которые Антонов, следуя принципам программы, отвечает предельно честно: он сомневается только в окончательной результативности своих действий, но не в конструктивности самого программно импульса. Его сомнения обусловлены принципами работы программы, которую он представляет. КПП «Закон совести» ориентирована, прежде всего, не на «результат любой ценой» (ключевой принцип функционирования КПП «Закон закона»). Основная ее цель – это активизация и поддержание внутренней активности процессов гармоничной когнитивно-ментальной реабилитации сознания подростка, попавшего в зону деструктивной активности «круга отчуждения». Причем решающий выбор (принимать или не принимать) остается за объектом корректировки. Программа не может сделать этот выбор за него. Это неизбежно приведет к ее нейтрализации, смене ее статуса и общего режима функционирования. Другими словами, она «превратится» в КПП «Закон закона».

КПП «Закон совести» процессуальна по своей природе. В сущности, она и есть сам процесс реабилитации. Безусловно, она нацелена на результат, но качество этого результата определяется не его формальным наличием/отсутствием, а спецификой реализации процесса его достижения. Именно поэтому П.В. Антонов уверенно говорит суду о том, что он сомневается в конечном результате. Процесс «когнитивно-ментальной реабилитации» В. Киреева только начат.

Фраза П.В. Антонова о том, что «ему будет очень больно, если он ошибется» становится для второго носителя КПП импульсом, позволяющим суду посмотреть на подростка иначе. Второй носитель программы реагирует на импульс Антонова конструктивно, так как они находятся в едином когнитивно-ментальном поле программы «Закон совести». Теперь в глазах суда В. Киреев – это не только малолетний преступник, но одинокий, «отчужденный» от себя человек, имеющий право на когнитивно-ментальную реабилитацию.

Важно, что на этапе подтверждения результативности функциональной стабильности импульса носители КПП работают синхронно. Импульс переходит от одного носителя КПП к другому. При этом каждый подобный переход сопровождается его корректировкой. В результате он становится все более понятен и доступен субъекту-персонификатору, что существенно повышает степень воздействия импульса на подростка. Ответ подростка («Вы раскаиваетесь? – Да!») говорит сам за себя: процесс персонификации деструктивных искажений / целевых установок программы набирает ход.

Заключение

Итак, целевые установки исходной формулы «Закон совести» предусматривают реализацию трех основных процессов: а) трансформация и корректировка базовых когнитивно-ментальных подсистем сознания подростка, попавшего в зону воздействия деструктивных КПП; б) формирование в его сознании конструктивной личной, социальной и гражданской идентичности; в) «вывод» подростка из зоны активности деструктивно-манипулятивных программ с их последующей блокировкой. Данные процессы определяют общий целевой вектор реализации КПП «Закон совести».

В аспекте целеполагания программа работает одновременно в двух режимах: «целеполагание для себя» и «целеполагание для объекта социализации (подростка)». В рамках первого целевая установка является активной и значимой только для самой программы; подросток осознает формальное наличие цели, но не идентифицирует ее как свою собственную, поэтому степень активности сознания субъекта-персонификатора остается предельно низкой. КПП «Закон совести», активизируя второй режим целеполагания (для подростка), стремится персонифицировать сформированную в ее структуре цель и создать условия, при которых подросток начинает воспринимать ее как свою собственную. Только при успешной реализации

«перевода» целевой установки из зоны КПП в зону сознания объекта социализации и ее персонификации сознание подростка начнет работать самостоятельно.

Как мы видим из сцены суда, сам факт актуализации «человеческой», а не абстрактной природы КПП является мощным стимулирующим импульсом для подсудимого. П.В. Антонов верит в него как в человека, переживает душой за него. Эта вера аккумулирует внутренний духовно-нравственный потенциал «самости» подростка. Здесь работает простая закономерность: в меня верит «другой» – я должен оправдать его веру в себя – я должен принять его веру как свою собственную – я должен научиться верить самому себе.

Безусловно, это только начало процесса когнитивно-ментальной реабилитации «сущностного я» подростка, но она произойдет. Когнитивно-ментальный статус В. Киреева изменится, и он станет носителем КПП «Закон совести». Момент конструктивно-результативной

реализации целевой / самоидентификационной персонификации подростка репрезентируется в следующей сцене кинотекста: «(Все ребята сидят в палатке и смотрят документальный фильм о судьбах таких же “трудных подростков”, как они сами. После окончания фильма начинается его обсуждение. В процессе обсуждения журналист обращается к В. Кирееву) «Журналист: Как-то я спросил Володю Киреева, кем он хочет стать? И он мне сказал... Володя, можешь повторить сейчас? (В. Киреев сидит рядом с П.В. Антоновым. На голове у него Пашина кепка) Киреев В.: Как Паша (имеется в виду П.В. Антонов)» [5]. В данном случае ответ подростка «как Паша» может интерпретироваться двояко: а) быть «как Паша» – значит помогать трудным подросткам; б) быть «как Паша» – значит быть носителем КПП «Закон совести». Обе эти интерпретации гармонизированы и взаимодополняют друг друга.

Список источников

1. Русина Ю.А. История советского кино. Екатеринбург : Изд-во Урал. ун-та, 2019.
2. Иванов Д.И. Теория когнитивно-прагматических программ / Гуандунский ун-т междунар. исследований (Китай). Иваново : ПресСто, 2019.
3. Иванов Д.И. «Долг» советского человека: опыт реконструкции понятия (на материале кинотекста) // Социологические исследования. 2020. № 2. С. 105–114.
4. Ильин Е.П. Психология совести: вина, стыд, раскаяние. СПб. : Питер, 2017.
5. Пацаны / реж. Д. Асанова. СССР, 1983.
6. Гавеля В.Л. Целеполагание в структуре социальной деятельности человека : автореф. дис. ... канд. филос. наук. М., 1998.
7. Кузнецов Ю.Ф. Деятельность как психолого-педагогическая категория // Специальное образование. 2005. № 5. С. 37–45.
8. Леонтьев А.А. Деятельный ум (Деятельность, Знак, Личность). М. : Смысл, 2001.
9. Юдин Э.Г. Системный подход и принцип деятельности: Методологические проблемы современной науки. М. : Наука, 1978.
10. Прокофьев А.В. О моральном значении стыда // Этическая мысль. 2016. № 2. С. 106–122.

References

1. Rusina, Yu.A. (2019) *Istoriya sovetskogo kino* [History of Soviet cinema]. Yekaterinburg: Ural Federal University.
2. Ivanov, D.I. (2019) *Teoriya kognitivno-pragmaticheskikh programm* [Theory of Cognitive-pragmatic Programs]. Ivanovo: PresSto.
3. Ivanov, D.I. (2020) “The duty” of the soviet man: the experience of reconstruction of the concept (on the material of kinotext). *Sotsiologicheskie issledovaniya – Sociological Studies* 2. pp. 105–114. (In Russian). DOI: 10.31857/S013216250008498-0
4. Il'in, E.P. (2017) *Psikhologiya sovesti: vina, styd, raskayanie* [Psychology of conscience: guilt, shame, remorse]. Saint Petersburg: Piter.
5. *Patsany* [Boys]. (1983) Film. Directed by D. Asanova. USSR: Lenfilm.
6. Gavelya, V.L. (1998) *Tselepolaganie v strukture sotsial'noy deyatel'nosti cheloveka* [Goal-setting in the structure of human social activity]. Abstract of Philosophy Cand. Diss. Moscow.
7. Kuznetsov, Yu.F. (2005) *Deyatel'nost' kak psikhologo-pedagogicheskaya kategoriya* [Activity as a psychological and pedagogical category]. *Spetsial'noe obrazovanie – Special Education*. 5. pp. 37–45. (In Russian).
8. Leont'ev, A.A. (2001) *Deyatel'nyy um (Deyatel'nost', Znak, Lichnost')* [Active Mind (Activity, Sign, Personality)]. Moscow: Smysl.
9. Yudin, E.G. (1978) *Sistemnyy podkhod i printsip deyatel'nosti: Metodologicheskie problemy sovremennoy nauki* [System approach and principle of activity: Methodological problems of modern science]. Moscow: Nauka.
10. Prokof'ev, A.V. (2016) On the moral significance of shame. *Eticheskaya mysl' – Ethical Thought*. 2. pp. 106–122. (In Russian).

Информация об авторе:

Иванов Д.И. – канд. филол. наук, профессор Института русского языка Сианьского университета иностранных языков (Сиань, КНР). E-mail: Ivan610@yandex.ru

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Information about the author:

D.I. Ivanov, Cand. Sci. (Philology), associate professor, professor of the Institute of Russian Studies, Xi'an International Studies University (Xi'an, People's Republic of China). E-mail: Ivan610@yandex.ru

The author declares no conflicts of interests.

Статья поступила в редакцию 20.04.2021;
одобрена после рецензирования 18.01.2022; принята к публикации 28.01.2022.

The article was submitted 20.04.2021;
approved after reviewing 18.01.2022; accepted for publication 28.01.2022.